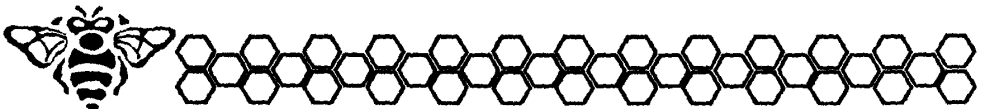

STUDIA PHILOLOGICA

Риккардо Пиккио

SLAVIA ORTHODOXA
ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК

Ответственные редакторы
Н. Н. Запольская, В. В. Калугин

Редактор
М. М. Сокольская

МОСКВА 2003

ББК 87.3
П 32

Данное издание выпущено в рамках программы Центрально-Европейского Университета «Translation Project» при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI – Budapest) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия.

Пиккио Риккардо

П 32 Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин; Ред. М. М. Сокольская; Предисл. В. В. Калугина – М.: Знак, 2003. – 720 с., разд. паг. (XVI, 704 с.). – (Studia Philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-025-3

Настоящее издание является первым выходящим в России сборником научных трудов выдающегося слависта, специалиста в области культуры славянского Средневековья Р. Пиккио. В книгу вошли работы Р. Пиккио разных лет, отражающие основные направления его исследований. Первая часть знакомит русского читателя с концепцией духовной общности православных славян – Slavia Orthodoxa. Вторая часть включает статьи, в которых отражено представление о церковнославянском языке как наднациональном литературном языке общности Slavia Orthodoxa. В третью часть вошли работы Р. Пиккио по поэтике древнерусской литературы.

Книга адресована филологам, историкам, всем, кто интересуется вопросами славянской культуры, историей и поэтикой славянской и, в частности, древнерусской литературы.

ББК 87.3

В оформлении переплета использован фрагмент оклада Евангелия (Москва, 1-ая пол. XVIII века. Мастер Г. Овдокимов)

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

© В. В. Калугин. Предисловие, 2003.
© Переводчики на русский язык, 2003.

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Slavia orthodoxa Риккардо Пиккио (<i>В. В. Калугин</i>)	IX
Примечания	XV

Часть I

Slavia orthodoxa: Теоретические вопросы литературы

Slavia orthodoxa и Slavia romana (<i>Пер. с итал. П. Петрухина</i>)	3
Примечания	74
К вопросу о сравнительном исследовании славянских и романских литератур: Формирование литературных систем у славян (<i>Пер. с фр. М. Абрамовой</i>)	83
Примечания	100
Открытые вопросы в изучении Slavia orthodoxa и Slavia romana как вариантов славянской культуры (<i>Пер. с англ. О. Беловой</i>)	102
Примечания	117
Влияние церковной культуры на литературные приемы Древней Руси (<i>Пер. с англ. О. Беловой</i>)	122
Примечания	154
К вопросу о древнерусской письменной традиции (<i>Пер. с итал. П. Петрухина</i>)	163
Примечания	175
Русский гуманизм: филологическое возрождение (<i>Пер. с англ. О. Беловой</i>)	181
Примечания	192

Часть II

Slavia orthodoxa: Литературный язык

Введение в сравнительное изучение «вопроса о языке» у славян (<i>Пер. с англ. О. Беловой</i>)	201
---	-----

«Вопрос о языке» и кирилло-мефодиевский славянский мир (Пер. с итал. Г. Денисовой)	244
Литература	331
Примечания	339
Церковнославянский язык	363
Церковнославянский, «древнеславянские языки» и изводы (Пер. с фр. М. Абрамовой)	403
Примечания	420

Часть III

Slavia orthodoxa: Поэтика литературы

Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства (Пер. с англ. О. Беловой) . .	431
Примечания	466
Смысловые уровни в древнерусской литературе (Пер. с англ. С. Никольского)	474
Примечания	487
Повесть и Слово: Заметки о соотношении повествования и проповеди в книжной традиции Древней Руси (Пер. с итал. П. Петрухина)	492
Литература	501
Примечания	502
«Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литера- туры Древней Руси	504
Примечания	523
Мотив Трои в «Слове о полку Игореве»	526
Примечания	537
Об изоколических структурах в литературе православных славян (Пер. с итал. И. Миляевой)	543
Примечания	587
О просодической структуре «Слова о полку Игореве» (Пер. с англ. С. Никольского)	593
Примечания	606
Изоколическая традиция и возникновение русского стихо- сложения	611
«Плетение словес» и литературные стили православных сла- вян в позднем Средневековье (Пер. с итал. И. Миляевой) .	633
Примечания	653

«Поэтика моления» Епифания Премудрого (<i>Пер. с англ. О. Беловой</i>)	657
Примечания	670
Агиографическое обрамление древнерусской повести о князе Петре Муромском и мудрой девице Февронии (<i>Пер. с англ. О. Беловой</i>)	675
Примечания	688
О библейском семантическом обрамлении «Повести о Горе- Злочастии» (<i>Пер. с англ. С. Никольского</i>)	693
Примечания	701

Slavia orthodoxa Риккардо Пиккио

Риккардо Пиккио принадлежит к числу видных славистов современности. Его исследования, посвященные широкому кругу вопросов славянского Средневековья, давно получили международное признание. Они оказали несомненное влияние на развитие филологических наук, и в первую очередь на изучение истории, поэтики и языка древнеславянских литератур.

Оригинальные, насыщенные фактическим материалом и культурно-историческими сведениями работы Р. Пиккио не раз служили предметом полемических дискуссий и специального обсуждения на страницах отечественных изданий¹. Однако за редкими исключениями они не переводились на русский язык² и были недоступны широкому кругу читателей, которые были вынуждены принимать на веру научные споры. На русском языке единственным источником взглядов Р. Пиккио были серьезные аналитические обзоры И. С. Дуйчева, А. В. Липатова и О. А. Седаковой³. Настоящая книга является первым в России сборником научных трудов Риккардо Пиккио.

Заслуга Р. Пиккио состоит прежде всего в создании цельной филологической концепции славянского Средневековья. Его теория родилась в полемике с «постромантизмом» и «национальными школами» в филологии. Для Р. Пиккио характерно стремление выйти за рамки отдельных национальных славянских литератур с целью изучения общих закономерностей их становления и развития в контексте общеевропейского литературного процесса.

Р. Пиккио принадлежат термины *Slavia orthodoxa* и *Slavia latina* (замененный на *Slavia romana* в исследованиях последних десятилетий). *Slavia orthodoxa* не этническое в узком смысле слова и тем более не географическое понятие. Это единое духовное пространство южных и восточных православных славян, принявших христианство и церковную культуру от Византии в IX—X вв., имеющих общую церковнославянскую письменность и богослужение. Западные славяне и часть южных, на землях которых в X—XI вв. византийские

традиции были вытеснены влиянием Рима и латинской культурой, образуют единую духовную общность католического славянства — *Slavia romana*. Следует отметить, что церковнославянская культура не была кратковременным эпизодом в истории западных славян. По крайней мере до XII в. у чехов и поляков все еще сохранялись церковнославянская письменность и богослужение.

Теория Р. Пиккио, вызвавшая полемику в научной литературе, находит независимое подтверждение в исследованиях Н. И. Толстого и его концепции древнеславянского (старославянского и церковнославянского) языка. Будучи наднациональным и международным, древнеславянский язык и созданная на нем переводная и оригинальная литература не могли быть собственно национальными ни по своему генезису, ни по географическому пространству функционирования⁴. В этом случае необходимо «признать язык сербской, болгарской, русской, сербо-болгарской, русско-болгарской и др. редакций *единым древнеславянским... литературным языком* независимо от того факта, что в разные эпохи он мог находиться под влиянием определенного народно-разговорного субстрата, служившего источником его обогащения, и тем самым изменять свое лицо»⁵.

Несмотря на полемику с Р. Пиккио по ряду вопросов, Д. С. Лихачев в целом близок его теории⁶. Хотя вместо термина *Slavia orthodoxa* Д. С. Лихачев предпочитал использовать понятия «древнеславянская литература-посредница» и «культура-посредница», он вкладывал в них, по сути, то же значение. «Древнеславянская литература-посредница», общая для южных и восточных православных славян, обладала наднациональным церковнославянским языком, единым фондом письменных памятников и развивалась как единое целое⁷.

Действительно, большую часть средневековой книжности православного славянства, а также славяноязычной румынской письменности составляют переводные (по преимуществу с греческого) сочинения, общехристианские или общеправославные по тематике (библейские и богослужebные книги, творения отцов церкви, догматико-полемические произведения и т. д.). Этот корпус памятников, общий для всего византийско-славянского мира, обеспечивал внутри него сознание религиозного, культурного и языкового единства.

Значительно меньшую часть составляют оригинальные древнеславянские сочинения с ярко выраженной национальной тематикой (житийная литература, торжественное и учительное красноречие, послания, летописи, исторические произведения и т. п.). Долгое

время было принято изучать только эту малую часть средневековой письменности, оставляя в стороне богатейшее церковнославянское наследие. Теория *Slavia orthodoxa*, переносящая основное внимание с национального на общее, противостоит такому узкому подходу, идущему от романтической историографии первой половины XIX в.

Ориентация средневековых книжников на межнациональный фонд церковнославянских памятников как на нормополагающее для литературы и языка начало обусловила особую структуру древнеславянских литератур, которая строилась, согласно Р. Пиккио, не на жанровой основе, а на господствовавшем принципе подражания образцам и моделям. В статье «Модели и типы в литературной традиции средневекового славянства», исходя из особенностей средневекового мировидения, Р. Пиккио выделил четыре главных образца, на которые ориентировались и которым подражали славянские книжники в своем творчестве. Это «библейский образец» — свидетельство провиденциальной истории человечества, «патристический образец» — единственно правильное освещение событий и фактов, «константиновский образец» — прославление христианской державы и ее правителя, подобного императору Константину Великому, и «молитвенный образец» — обращение к Богу.

Средневековый книжник жил и творил по образцам. В Изборнике князя Святослава 1073 г., переведенном с греческого и переписанном на Руси с древнеболгарского оригинала, в статье «Отъ апльскихъ оуставъ» дана классификация библейских текстов как идеальных образцов для подражания: «аште бо повѣстьнына хоштеши почитати имаши цѣсарьскына кѣнигы· аште ли хытростьнына и творитвьнына· то имаши пррѣкы· ииува и притгъчника въ нихъ же всакаа твари и оухыштрении большжж остроуоу оумноуж обряштеши· яко га юдинога моудрааго рѣчи соуть аште ли и пѣсньнымъ хоштеши то имаши џальмосы...»⁸. Образцом историко-повествовательных произведений служили ветхозаветные Книги Царств. Примером для подражания в жанре церковных песнопений была Псалтирь. Образцовые «хитростьныя и творитвьныя» сочинения (в греческом тексте *σοφιστικὰ καὶ ποιητικὰ* 'относящиеся к письменности мудрых и поэтические') были представлены Книгами пророка Иова и Притчей Соломоновых.

Такие взгляды были чрезвычайно устойчивы в книжной культуре православного славянства. В середине XV в., почти четыре столетия спустя после Изборника Святослава 1073 г., тверской инок Фома назвал образцом историко-повествовательных произведений

Книги Царств, эпистолярного жанра — апостольские послания, а «душиспасительных книг» — жития⁹.

Образцовые тексты определяли собой разные языковые и стилистические уровни создававшегося по их модели произведения и непосредственно не зависели от его темы. Их действие распространялось на весь мир православного славянства и составляло своего рода «изонорму» литературного языка. Все, что выходило за ее пределы, то есть не могло быть перенесено из одного извода церковнославянской книжности в другой, постепенно складывалось в национальную литературную систему. Теория *Slavia orthodoxa* не отрицает важности изучения отдельных славянских языков и литератур, а, наоборот, является необходимым условием создания таких исследований, так как только на общеславянском фоне становятся отчетливо видны местные особенности и национальное своеобразие.

Большое внимание в работах Р. Пиккио уделено функции библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства. Под влиянием церковно-канонических текстов многие древнеславянские произведения отличаются семантической двумерностью. Их структура состоит как бы из двух уровней повествования: предметного и иносказательного, содержащего высший духовный смысл. Переход в последний осуществляется с помощью библейского тематического ключа — цитаты из Священного Писания. Адекватное понимание литературного произведения предполагает его обязательное толкование, обращение к исходным текстам-образцам на самых разных уровнях: композиционном, смысловом, идеологическом¹⁰. Эти смысловые оттенки и переходы, легко улавливаемые древнеславянскими книжниками, далеко не всегда поддаются свободному прочтению в настоящее время, и задача исследователя заключается в том, чтобы вскрыть, показать их истинное значение.

Так, Елифаний Премудрый построил «Житие Стефана Пермского» во многом на параллелизме с библейскими мотивами. Цитаты из Библии (всего их насчитывают 340)¹¹ проникают даже в речь отрицательных персонажей. Волхв Пам, убеждая своих соплеменников не поддаваться проповеди Стефана и не оставлять отеческих богов, говорит: «От Москвы может ли что добро быти нам?»¹². В двуплановой структуре текста эти слова не являются простым осуждением Москвы и Стефана. Они прямо соотносятся с вопросом апостола Нафанаила, которому казалось невероятным, чтобы из города Назарета, пользовавшегося сомнительной репутацией, пришел Мессия: «Ѣ назарета можѣ ли что добро быти» (Ин. 1: 46)¹³.

Евангельская цитата переключает повествование из предметного в высший смысл текста. Москва уподобляется Назарету — городу, где протекала жизнь Иисуса Христа до начала его открытой проповеди, Стефан — Мессии, а язычники-зыряне — иудеям.

Развитие нового отношения к тексту начинается со времени второго южнославянского влияния в Древней Руси в конце XIV—XV вв., имевшего исключительно широкое распространение в церковной жизни и книжной культуре. Д. С. Лихачев, сопоставив второе южнославянское влияние с западноевропейским Возрождением, пришел к выводу о типологической однородности этих культурных явлений и существовании особого восточнославянского Предвозрождения, которое так и не смогло перейти в Ренессанс¹⁴. Эта точка зрения вызвала обоснованные возражения, которые, однако, не означают, что в Древней Руси не было никаких явлений, подобных западноевропейскому гуманизму¹⁵.

Как показал Р. Пиккио в работе «Русский гуманизм: филологическое возрождение», точки соприкосновения могут быть обнаружены прежде всего на языковом уровне: в сфере отношения к тексту, к проблемам его передачи и исправления. Сущность итальянских ренессансных споров о языке (*Questione della lingua*) состояла, с одной стороны, в желании оправдать употребление народного языка (*lingua volgare*) в качестве литературного, утвердить его культурное достоинство, а с другой — в стремлении установить его грамматические и стилистические нормы. Характерно, что значение второго южнославянского влияния заключается в начале последовательной «книжной справки» в Древней Руси, и именно с этого времени появляется и постепенно развивается новый у восточных славян грамматический подход к литературному языку¹⁶. Показательно в этой связи, что «книжная справка», основанная на грамматике, берет свое начало в России с переводческой деятельности Максима Грека, ученика итальянских гуманистов, пытавшегося перенести на древнерусскую почву филологический опыт Византии и ренессансной Италии.

Особое место в научной деятельности Р. Пиккио занимают вопросы ритмической организации древнеславянских произведений, их просодической структуры. По мнению исследователя, в основе ритмической прозы лежит «изоколический принцип», распространенный во всех средневековых литературах православного славянства. При «изоколическом принципе» текст членится на логически завершенные соотносимые отрезки, или колоны. Число ударений в

колонах может совпадать, но может и образовывать последовательно чередующиеся ряды, например, с тремя и пятью ударениями. При этом место ударения в слове несущественно: оно может меняться в разных славянских ареалах и не совпадать в разные исторические эпохи. Главным является не место и качество ударения, а его наличие в полнзначных словах.

При таком подходе сознательно не учитываются исторические изменения в славянской акцентуации и фонетике, может показаться субъективным принцип членения текста на колоны (определение их границ, количества и т.д.), непонятно, как соотносились друг с другом ритмико-мелодическая и формально-логические стороны речи, которые могли не совпадать, а кроме того, необходимо принять во внимание наличие разных ритмических систем, которые могли сочетаться между собой в структуре текста (в досиллабический период известны молитвословный литургический, народный песенный и народный говорной стих со своими принципами структурной организации).

Ритмическая природа многих памятников древнеславянских литератур несомненна и эстетически осознаваема. Она свойственна, например, таким «классическим» произведениям древнерусской литературы, как «Слово о Законе и Благодати» Илариона, сочинения Кирилла Туровского, «Слово о полку Игореве», «Моление» Даниила Заточника, «Повесть о разорении Рязани Батыем», произведения Епифания Премудрого и др. Несмотря на плодотворные исследования в данной области А. В. Позднеева, К. Тарановского, Л. И. Сазоновой и других ученых, эта проблема является недостаточно изученной и не решенной во многих аспектах. Работы Р. Пиккио представляют собой попытку найти свое, отличное от других решение этой актуальной задачи исторической поэтики.

Остается только сожалеть, что знакомство со многими исследованиями Р. Пиккио (в том числе с его известной «Древнерусской литературой»¹⁷) произошло в России со значительным опозданием — лишь в начале XXI в., а не в прошлом столетии, когда усиленно разрабатывались теоретические вопросы древнеславянских литератур, выходило на качественно новый уровень изучение исторической поэтики. Можно соглашаться с концепциями Р. Пиккио или спорить с ними, но нельзя признать нормальным, что его труды были выключены из полноценного научного диалога. В первом томе академической истории русской литературы, где, между прочим, имя Р. Пиккио не упомянуто ни разу, Д. С. Лихачев заметил, что

«древняя русская литература, как и древнее русское искусство, во многом еще находится „за семью замками“»¹⁸. «Открыть эти замки» можно только совместными усилиями представителей разных научных школ и направлений.

В. В. Калугин

Примечания

¹ (с. IX). См., например: *Лихачев Д. С.* Несколько замечаний по поводу статьи Риккардо Пиккио // ТОДРА. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 675—678.

² (с. IX). Следует отметить такие публикации Р. Пиккио, как: *Латино-романское наследие и развитие литературных систем славянских наций (XVIII—XIX вв.)* // *Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв.: Материалы международной конференции ЮНЕСКО.* М., 1978. С. 361—369; *Мотив Трои в «Слове о полку Игореве»* // *Проблемы изучения культурного наследия.* М., 1985. С. 86—99; ТОДРА. М.; Л., 1997.

³ (с. IX). См., например: *Дуйчев И. С.* Итальянская книга по истории древнерусской литературы // ТОДРА. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 552—568 (перевод с болгарского Э. Г. Зыкова); *Липатов А. В.* Общие закономерности истории славянских литератур и концепция Р. Пиккио // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка.* 1990. Т. 49. № 4. С. 318—327; *Седакова О. А.* Филологические проблемы славянского средневековья в работах Риккардо Пиккио // *Вопросы языкознания.* 1992. № 1. С. 114—125.

⁴ (с. X). *Толстой Н. И.* К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // *Вопросы языкознания.* 1961. № 1. С. 52—66.

⁵ (с. X). Там же. С. 57.

⁶ (с. X). *Лихачев Д. С.* Несколько замечаний по поводу статьи Риккардо Пиккио // ТОДРА. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 675—678.

⁷ (с. X). *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 23—44.

⁸ (с. XI). *Изборник Святослава 1073 г.* М., 1983. Л. 204 а-б.

⁹ (с. XII). *Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче / Сообщил Н. П. Лихачев.* СПб., 1908. С. 27 (ОЛДП; Памятники древней письменности и искусства. Т. 168).

¹⁰ (с. XII). *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). München, 1987. С. 55.